

**Когда
зарождаются
нации на востоке
Европы?**

Max Weber
Stiftung

.....

Deutsche
Geisteswissenschaftliche
Institute im Ausland

Когда зарождаются нации на востоке Европы?

**Ответственный составитель,
ответственный редактор
А. В. Доронин**

Фонд Макса Вебера

Бонн-Вильнюс
2022

Проект поддержан Фондом Герды Хенкель, AZ 38/F/16

Когда зарождаются нации на востоке Европы? / отв. сост., отв. ред. А. В. Доронин. – 2022. – 639 с. : ил.

Данная коллективная монография завершает инициированный Германским историческим институтом в Москве международный научный проект «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей (кон. XV – сер. XVIII в.) в контексте зарождения современных наций в Европе». В 2015–2020 гг. в нем принимали участие исследователи из Украины, Беларуси, России, Литвы, Польши, Германии.

Главным для участников проекта было ответить на вопросы, когда и в связи с чем на востоке Европы зарождаются современные нации. Авторы книги предлагают совместное новое прочтение теории (ранне)модерного национализма, а также оспаривают утвердившееся в историографии мнение о невостребованности модели (ранне)модерной нации / раннемодерного дискурса нации на востоке Европы в XVI – сер. XVIII в.

ISBN 978-609-8314-17-5

© Доронин А. В., науч. рук. проекта, отв. ред.,
составление, 2022

© Коллектив авторов, 2022

© Фонд Макса Вебера, 2022

Глава 1

МОСКОВСКАЯ РУСЬ vs СТАРЫЙ СВЕТ

«Места встречи» западно-
и восточноевропейской культур

Московская Русь в XVI–XVII вв. была в целом закрытым государством. Контакты подданных ее великого князя/царя с внешним миром были затруднены как в силу географического положения (отсутствие прямого выхода к морским путям), так и вследствие политики изоляции и сегрегации иностранцев, которую она проводила¹. Тем не менее не было в истории Московского/Русского государства такого момента, когда бы своей политической целью оно видело полностью закрыться от внешнего мира. В XVII в. его внешние контакты на всех уровнях контролировались государственной властью, хотя степень этого контроля была разной и его можно было обойти.

В культурном отношении главным источником внешних импульсов и влияний для России XVI–XVII вв. была христианская Европа. В целом объем и значение этого влияния неуклонно возрастали в этот период (несмотря на кризис и последствия Смутного времени)². Трансфер идей с Запада в Московское государство – прежде всего за счет перемещения текстов и их адаптации (через переводы, цитирование и т. п.) в культурной традиции Московской Руси – происходил преимущественно по каналам официальным, то есть под контролем правительственных органов. Через внешнепо-

¹ Принципы этой политики отразились в правовом регулировании допуска иностранцев на территорию России и их статуса, см.: *Мулюкин А. С. Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII веков.* СПб., 1909; *он же. Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве.* Одесса, 1912.

² См.: *Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках.* Л., 1925. Ср. современный обзор, обобщающий накопленные данные в той же, заданной почти сто лет назад модели: *Черникова Т. В. Европейизация России во второй половине XV–XVII веках: монография.* М., 2012.

литические институты Москвы удовлетворялись и многие культурные запросы и интересы царского двора³.

Однако речь идет и о «встрече культур» вне придворно-официальной и дипломатической сфер – между людьми, общавшимися частным образом. Эти контакты и узлы культурно-интеллектуальной коммуникации, к сожалению, трудно зафиксировать из-за того, что они слабо отразились в источниках. Но некоторыми данными на этот счет мы все же располагаем. Ниже описаны ситуации, когда личные связи русских и иноземцев имели (или потенциально должны были бы иметь) те или иные достойные нашего внимания культурные последствия и значение. Такого рода контакты возникали в двух случаях: когда иностранцы оказывались в России или же русские – за границей⁴.

1. В литературе в общем хорошо изучено, когда, на каких условиях и какие иностранцы приезжали в Россию и оставались там жить (надолго или навсегда), а также какие контакты, в том числе культурные, возникали между ними и русскими⁵. Много написано о мастерах и специалистах, которых приглашали в Московское/Русское государство в расчете на их знания и умения, – от итальянских архитекторов и инженеров, строивших в Москве при Иване III⁶, до военных, медиков и промышленников в XVII в. О некоторых из них источники даже позволяют составить более или менее подробные

³ Трансфер западных идей и текстов, а также контакты и «встречи культур» при великокняжеском (царском) дворе – отдельная большая и важная тема. Мы рассчитывали осветить ее в самостоятельном разделе, посвященном «Посольскому приказу». К сожалению, он не состоялся.

⁴ Вообще выделяют четыре возможных пути иностранного влияния на культуру Московского государства XVI–XVII вв.: проезд иноземцев в Россию, путешествия русских за границу, использование иностранных текстов/источников и привоз произведений искусства, см.: *Бусева-Давыдова И. Л.* Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008. С. 12–13. Два последних канала культурного влияния в данном параграфе оставлены без рассмотрения.

⁵ Отдельное направление в научной литературе составляет изучение записок иностранцев XV–XVII вв., побывавших в том или ином качестве в России и вернувшихся затем на родину. Таких текстов довольно много, ср.: *Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России: материалы к библиографическому словарю / сост. П. Д. Малыгин. М., 2018.* Этой тематики я здесь не касаюсь, хотя такого рода поездки, конечно, часто предполагали культурные контакты с местным населением, которые потом находили отражение и в текстах.

⁶ *Подъяпольский С. С.* Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы. М., 2006. С. 261–312; *Матасова Т. А.* О статусе и правах итальянских архитекторов в России в последней четверти XV – первой половине XVI в. // *Собирательство и меценатство в эпоху Возрождения / ред.-сост. А. В. Доронин, О. Ф. Кудрявцев. М., 2015. С. 57–70.*

биографии⁷. Особенного внимания заслуживают в связи с этим военнослужащие иноземцы⁸. Неплохо изучены тогдашние торгово-коммерческие отношения между Россией и другими странами, причем в последнее время внимание историков привлекают именно личности, в них задействованные⁹.

Исследуют взаимодействие русских и иностранцев в быту¹⁰, а также самосознание иностранцев, долго (даже на протяжении нескольких поколений) живших в России в условиях специфической религиозной политики московского правительства и их принуждения к принятию православия¹¹. Меньше данных и соответственно меньше исследований о тех, кто оказался в России в качестве пленников, хотя признается, что война всегда была особым каналом коммуникации, имевшим в том числе культурное измерение (особенно в связи с перемещением культурных ценностей)¹².

Если не считать поляков, литовцев и «черкасов» (казаков), служивших (на тех или иных условиях в разных местах) в российской армии, большинство иностранцев жили в Москве. С притоком (в основном пленных) иноземцев во время балтийских войн второй пол. XVI в. в Москве образовалось поселение за пределами Земляного города, где преимущественно стали жить «немцы» (иностранцы западного происхождения), – район, позднее получивший название Немецкой слободы. В XVII в. население этой слободы постоянно росло, насчи-

⁷ Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М., 2007; Павленко Н. И. Франц Лефорт (= ЖЗЛ). М., 2009. На очереди исследование яркой фигуры Патрика Гордона, оставившего по себе подробный дневник, см.: Гордон Патрик. Дневник / изд. Д. Г. Федосов. В 6 т. М., 2000–2018.

⁸ См. прежде всего цикл работ О. В. Скобелкина, обобщенных в его диссертации: Скобелкин О. В. Западноевропейцы на русской военной службе в XVI – 20-х гг. XVII в. Дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2015.

⁹ Выходят справочные издания, ср., напр.: Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 1–2. М., 1994; Голландцы на Русском Севере в XVI–XX веках: Библиографический справочник / сост. и отв. ред. Л. Д. Попова, Я. В. Велувенкамп. Архангельск, 2007. См. также микроисторические исследования, например, о семейном бизнесе одного голландского рода в Архангельске и Вологде во второй пол. XVII – нач. XVIII в.: Тимошина Л. А. «Русский иноземец» XVII в. Владимир Иевлевич // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 24. СПб., 2018. С. 57–115.

¹⁰ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. М., 2004.

¹¹ Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007.

¹² Ср. об этом в современной литературе, напр.: Опарина Т. А. Ливонские пленники в политической игре Бориса Годунова // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (1–2). С. 273–302.

тывая в середине столетия более 1000 человек¹³. После Переяславской рады 1654 г. и войны с Речью Посполитой заметным стало присутствие в Москве выходцев из этого государства. Они образовали свои «анклавы» в городе – в районе улицы Маросейка, в Мещанской слободе и др.¹⁴ «Немцы» создали небольшие «колонии» также в городах, связанных с торговыми путями, – Новгороде, Пскове, Архангельске, Вологде и некоторых других. Те из них, кто служил в армии, составляли в XVII в. заметную часть гарнизонов порубежных, особенно поволжских городов, например Нижнего Новгорода.

До сер. XVII в. культурное влияние иностранцев в Московском государстве вне правительственно-придворных структур ограничивалось двумя обстоятельствами. С одной стороны, большинство тех из них, кто постоянно жил в России (в основном военные и авантюристы), не отличались высоким уровнем культуры, образования и моральных устоев¹⁵. С другой – культурно-интеллектуальная элита России сознательно сторонилась иноземцев, руководствуясь официально принятой доктриной богоизбранности православного Московского государства. Ослабление барьеров наметилось лишь в правление царя Алексея Михайловича, когда произошел отказ от этой доктрины и в Россию стали приглашать образованных духовных лиц из православной руси Речи Посполитой¹⁶. Наплыв людей, влиятельных именно в культурном отношении, был тогда весьма значительным; столь известные фигуры, как Епифаний Славинецкий или Симеон Полоцкий, были лишь, так сказать, вершиной айсберга¹⁷.

Царское семейство и высшая боярско-дворянская знать с сер. XVII в. изменили культурные ориентиры, обратившись к Западу (прежде всего к той же Речи Посполитой) как источнику знаний, технологий,

¹³ Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1998.

¹⁴ Население одной только Мещанской слободы, судя по переписным книгам 1676 г. (где отмечены почти 700 тяглецов-мещан), должно было составлять 2–3 тыс. человек, см.: Богоявленский С. К. Научное наследие: О Москве XVII в. М., 1980. С. 15–39.

¹⁵ Об этом справедливо писал в свое время С. К. Богоявленский, см.: Богоявленский С. К. Московская немецкая слобода // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. № 3. С. 225–229.

¹⁶ Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. Ср. в современной литературе: Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011. С. 35–124.

¹⁷ Ср., напр.: Савельева Н. В. Неизвестный западнорусский автор иеромонах Гедеон, игумен Бизюкова монастыря, и московское книгопечатание середины XVII в. // Книжная старина. Сб. науч. трудов. СПб., 2011. Вып. 2. С. 82–131.

культурных достижений, моды. Показательными в этом смысле стали обучение царских детей польскому и латинскому языкам, увлечение при дворе театром, «западничество» таких видных в государстве лиц, как А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев, В. В. Голицын и др. О контактах последних с иностранцами – не только по долгу службы, но и в частном порядке – и об их «западном» образе жизни хорошо известно¹⁸.

В посадско-купеческих кругах всегда были люди, имевшие довольно тесные деловые контакты с иноземцами, и здесь идеологические расхождения сказывались меньше. Культурные запросы – как со стороны приезжавших в Россию торговцев, так и со стороны местных купцов – были невысокими¹⁹. Тем не менее некоторый обмен не только материальными ценностями (имевшими иногда и идейно-символическое значение), но и знаниями, идеями и даже письменными текстами в этой среде происходил. Его непременным условием было овладение языком, на котором можно было бы вести переговоры. В Новгороде и Пскове практика обучения молодых иностранцев, известная с древности, продолжалась и в XVII в. Преподавание происходило частным образом, но с санкции властей²⁰. Учили иностранные языки и русские люди – как за границей (см. ниже), так и дома, занимаясь ими с иноземцами, жившими в России²¹. Любопытный пример тому – небольшой словарь-разговорник на английском, голландском и русском языках, составленный совместно иноземцем и русским торговым человеком; он сохранился в азбуковнике сер. XVII в. (который принадлежал, вероятно, этому русскому купцу)²².

Примером достаточно свободного, не стесненного официальными рамками и идеологией общения русского и иностранца является дошедший до нас небольшой «архив» молодого англичанина, который учился языку и осваивал основы торгового дела в Пскове

¹⁸ Ср., напр.: Леонтьев А. К. Быт и нравы // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 2: Духовная культура. М., 1979. С. 8–10.

¹⁹ Об этих запросах некоторое представление дает, например, известный словарь-разговорник Т. Фенне: *Pickhan G.* “Wan ich frolich sy so hebbe ich dy gerne”. Grundmuster der interkulturellen Alltagskommunikation zwischen Deutschen und Russen im Gesprächsbuch des Tönnies Fenne (1607) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 49 (2001), Heft 4. S. 500–509. Текст самого разговорника см.: *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian*. Pskov 1607: An Electronic Text Edition / eds. P. Hendriks, J. Schaeken (<http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/fenne11.pdf> [12.11.2020]).

²⁰ *Пушкарев Л. Н.* Освоение русского языка иностранцами в конце XVI – XVII вв. // *Вопросы истории*. 2004. № 6. С. 121–128.

²¹ *Савич Н. Г.* Изучение иностранных языков русскими в XVII в. // *Историографические и исторические проблемы русской культуры*. Сб. статей. М., 1982. С. 35–78.

²² *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Исследование, тексты и комментарии. Л., 1968.

в 1680-е гг.²³ Среди документов этого «архива» содержится переписка англичанина и его учителя – псковского посадского человека. Она демонстрирует не только дружескую близость и взаимную приязнь, но и интерес к чужой культуре с обеих сторон, и готовность к межкультурному диалогу.

2. О поездках русских за границу писали гораздо меньше. Однако благодаря тем исследованиям, которые уже проведены, ясно выделяются три потока русских, покидавших родину (разумеется, если не считать дипломатов): 1) купцы, отправлявшиеся за границу с торговыми целями (регулярный и постоянный поток), 2) молодые люди, отъезжавшие учиться (самая малочисленная, хотя важная с культурной точки зрения группа), 3) люди, взятые в плен во время военных действий (наиболее многочисленный поток).

Купцы, знакомившиеся с чужими культурами и иностранными языками, обладали, несомненно, широким кругозором и делились с близким окружением своими впечатлениями. Те из них, кто имел способности и культурный уровень выше среднего, находили литературное оформление своим впечатлениям, и эти записки (или некоторые из них) стали частью литературного процесса²⁴. Характерно, что большая часть сохранившихся *Хождений* (так назывались в допетровской Руси подобные тексты) посвящена путешествиям на восток. Возможно, объясняется это тем, что такие тексты порождались интересом к необычному и чужому, а христианская Европа в этом смысле была менее «экзотична», чем мусульманский мир, Индия или Дальний Восток.

В XVII в. купцы были важным естественным проводником культурных влияний и информации, шедших из Западной Европы. Они более других русских были открыты к диалогу с зарубежными визави и нацелены на него. Это подтверждают характерные описания бесед западных путешественников с русскими купцами. В таком духе, например, Олеарий вел разговоры с неким русским купцом в Нарве в 1634 г., или Лудольф, который был в Москве в 1693–1694 гг., – с московским торговым человеком (эти беседы переданы в «диалогах» его знаменитой «Грамматики»)²⁵.

²³ Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича: псковский архив английского купца 1680-х годов / подг. П. С. Стефанович и Б. Н. Морозов. М., 2009.

²⁴ Собственно купеческими хождениями являются записки Афанасия Никитина и Федота Котова. Но ряд авторов совмещали паломнические цели или правительственные поручения с собственными коммерческими предприятиями, см.: Записки русских путешественников XVI–XVII вв. / сост., подг. текстов, коммент. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной; вступ. ст. Н. И. Прокофьева. М., 1988.

²⁵ См.: Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича. С. 41–43.

Для культурной коммуникации наиболее содержательны и показательны случаи, когда русские покидали родину целенаправленно для приобретения знаний, т. е. обучения. Во многих случаях (если не в большинстве) инициатором таких поездок было само государство, но, во-первых, все-таки далеко не всегда оно было единственным их «спонсором», а во-вторых, сами обстоятельства таких поездок давали лицам, в них вовлеченным, относительно большую свободу выбора и общения.

Интерес российских правящих кругов в посылке молодых русских за границу заключался в том, чтобы они, получив там специальные знания, применили их по возвращении во благо отечества. В основном, видимо, речь шла об изучении иностранных языков (всегда нужны были переводчики). Свидетельства об отправке молодых людей за границу с целью изучения греческого и «немецкого» языков сохранились с сер. – второй пол. XVI в.²⁶

Широко известным является эпизод с учениками, которых послал учиться на Запад Борис Годунов в 1602–1603 гг. По сообщению Конрада Буссова, для этого были отобраны 18 человек – по 6 в Любек, Англию и Францию. Однако к 1612–1613 гг. (когда писал Буссов) лишь один из них вернулся в Россию и служил переводчиком²⁷. В московских архивах сохранились известия, что в Любек уехали 5 человек, в Англию – 4. Хорошо прослеживается судьба одного из этих учеников – Игнатия Кучина, который учился и жил в Любеке, Дании и Швеции, а в 1619 г. вернулся в Россию и служил в Посольском приказе до своей смерти в 1633 г.²⁸ Видимо, тот, о котором писал Конрад Буссов (некий Дмитрий Миколаев), фигурирует и в других источниках, в частности, сохранилось его письмо от 1604 г. из Любека, где он учился²⁹.

Об учениках, посланных в Англию, русское правительство наводило справки после Смутного времени и выяснило, что никто из них не желал возвращаться в Россию. Один из них, Никифор Олферьев сын Григорьев, стал англиканским пастором (известен в английских документах как *Nikephor Alpheray*) и заявлял, что, «будучи в Англинском государстве, позадавлен и обык жити в воле, и веры ему калвинские

²⁶ См. подборку документов: Взаимоотношения России с иностранными государствами в области образования в XVI–XVII вв. / подг. А. Н. Рыжов // Вопросы образования. 2009. № 3. С. 248–252.

²⁷ Конрад Буссов. Московская хроника 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 84.

²⁸ Лисейцев Д. В. Переводчик Посольского приказа Игнатий Андреевич Кучин // Русский родословец. 2002. № 1(2). С. 4–8.

²⁹ Зверев С. В. Новые материалы о русских студентах в Любеке в начале XVII в. // Иноземцы в России в XV–XVII веках / под ред. А. К. Левыкина. М., 2006. С. 260–269.

отбыти никак нелзе... а на Москве за калвинскую веру сожгут»³⁰. Из сохранившихся сведений ясно, что первоначально российское правительство поддерживало отправленных на учебу за границу, но, видимо, довольно скоро они оказались предоставлены сами себе и должны были самостоятельно находить средства для жизни и обучения и в итоге решать, возвращаться ли им на родину (притом некоторые из них не ограничивались изучением иностранных языков – тот же Никифор Григорьев, чтобы стать пастором, должен был получить богословское образование, для этого он учился в Кембридже).

Нет данных о том, что Россия оплачивала кому-либо университетское образование. Однако в метриках некоторых европейских университетов есть упоминания о студентах-«московитах». В литературе хорошо известна запись в промоционной книге Краковской академии: в 1532 г. диплом там получил некий “*Johannes Theodori Moscus*”, некоторые идентифицируют его со знаменитым первопечатником Иваном Федоровым³¹. В метрической книге Виттенбергского университета под 1572 г. упомянуты “*Balthasar Zegelius Muscoviensis*” и “*Johannes Pedica Muscoviens*” (Балтазар Сегелий и Иоанн Педика)³².

Конечно, прозвища *moscus/muscoviens* можно интерпретировать по-разному (особенно учитывая имена, которые они сопровождали), но все-таки за какими-то из них должны были скрываться именно выходцы из Московского государства, которые, возможно, и возвращались на родину. По крайней мере, к такому выводу склоняет любопытная история бояр Лыковых, которую рассказал Андрей Курбский. В 1534 г. дети погибшего боярина Матфея Лыкова были взяты в плен поляками, их воспитывали под присмотром польского короля, который «доктором своим повелел их научити шляхецких наук и языку римскому». После 1542 г. они вернулись в Москву, но, видимо, сохранили зарубежные связи, поскольку, сообщая о казни старшего брата Михаила в Опричнину, А. Курбский упоминает, что вместе с ним был казнен некий «ближний сродник его» – молодой человек, который «был послан на науку за море во Ерманию и тамо навык добре аляманскому языку и писанию, бо там пребывал, учась, немало лет и объездил всю землю Немецкую и возвратился был

³⁰ Цит. по: Лисейцев Д. В. Переводчик Посольского приказа. С. 5.

³¹ Немировский Е. Л. Иван Федоров (около 1510–1583). М., 1985. С. 17–18.

³² Album academiae Vitebergensis. Ältere Reihe in 3 Bänden: 1502–1602 / hg. von K. E. Föstemann. Bd. 2: 1560–1602. Halle an der Saale, 1894. S. 216. На это свидетельство мне любезно указала Н. Синкевич, за что я ей весьма признателен. По ее словам, занимаясь исследованием университетских метрик, она встречала и другие подобные упоминания сер. XVI – XVII в.

к нам во отечество...»³³ Очевидно, московское правительство никак не участвовало в заграничном обучении ни сыновей Матфея Лыкова, ни погибшего юного «сродника» Михаила.

Посылка молодых русских за границу для изучения иностранных языков практиковалась и в XVIII в., но, видимо, редко. По крайней мере, по данным об упомянутых в приказной документации переводчиках, собранным недавно в специальном справочнике, известно всего несколько молодых людей, которые ездили учиться за границу за государственный счет, притом во всех случаях это были дети тех «иноземцев», которые состояли на службе московского царя и успели укорениться в Москве³⁴.

С 1640-х гг. фиксируют первые случаи обучения молодых русских в Киево-Братской коллегии, первом православном высшем учебном заведении, расцветшем под надзором и покровительством митрополита Петра Могилы³⁵. В кон. XVII в. в Москве, как известно, появились первые школы с систематическими образовательными программами. В них преподавали не только специалисты, вызванные из-за границы, но и те русские, которые жили и учились ранее за границей, а теперь могли применить свои опыт и знания на родине. Например, инок Тимофей, который в 1666–1680 гг. жил в Константинополе, а потом преподавал в Типографской школе в 1680-е гг.³⁶ В Славяно-греко-латинской академии братьев Лихудов учился Петр Постников, представитель династии переводчиков, работавших в правительстве в кон. XVII – нач. XVIII в. В 1692 г. его отправили учиться медицине в Падуанский университет. Это первый достоверный случай обучения русского в западноевропейском университете после Никифора Григорьева в Англии³⁷.

³³ *Андрей Курбский. История о делах великого князя Московского /* подг. К. Ю. Ерусалимский, пер. А. А. Алексеев. М., 2015. С. 158–160. В примечаниях К. Ю. Ерусалимский почему-то отождествляет этого неназванного по имени «сродника» с младшим братом Михаила Иваном, хотя текст А. Курбского никаких оснований для этого не дает, см.: Там же. С. 745–746.

³⁴ *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021. С. 36, 79. За консультацию сердечно благодарю С. М. Шамина.*

³⁵ *Харлампович К. В. Малороссийское влияние. С. 143–144; Савич Н. Г. Изучение иностранных языков. С. 41–42, 50.*

³⁶ *Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. С. 103–118.*

³⁷ В отличие от Никифора Григорьева Петр Постников вернулся в Россию, см.: *Кислова Е. И. Династия Постниковых: знатоки иностранных языков и переводчики конца XVII–XVIII вв. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: Материалы межд. науч. конф. М., 2019. С. 53–59.*

Русские оказывались за границей еще и в качестве пленников в результате военных действий. Выше упоминалось, что пленниками прибывали в Россию и иноземцы. Тем же путем могли оказаться за рубежом и русские.

В XVI–XVII вв. Россия вела войны главным образом с Польско-Литовским государством и татарскими ханствами, и русские «полоняники» имели дело преимущественно с народами, жившими в этих государствах или связанными с ними. Условия содержания в плену или жизни в рабстве (если пленение приводило к продаже на рабском рынке) были разные, и во многих случаях эти люди могли за долгие годы и выучить иностранный язык, и познакомиться с разными культурными традициями, и вернуться на родину с тем или иным «культурным багажом»³⁸. Известны не только литературно обработанные записки «полоняников» об их пребывании в плену³⁹. Можно привести ряд примеров, когда русские, возвратившиеся из плена на родину, находили практическое применение обретенному опыту. Так, Казанский чудотворец Варсонофий в юности в 1512 г. был захвачен крымскими татарами в плен и три года прожил в рабстве, выучив при этом татарский язык; позднее он миссионерствовал в Казани после ее завоевания Москвой в 1552 г.⁴⁰ Некоторый след в истории русской культуры оставил и Богдан Лыков, трудившийся в 1630-е гг. в Москве в Посольском приказе над переводом известной «Космографии» Г. Меркатора; латинский и польский языки он освоил, пробыв 16 лет в плену «в Литве» (оказался там, видимо, во время Смуты)⁴¹.

³⁸ О судьбах русских «полоняников», в том числе об их культурной (ре) интеграции в плену и на родине, см., напр.: *Лавров А. С.* Расспросные речи и челобитные «полоняников» из Московского государства как источник о рабстве в Османской империи в XVII в. // *Исторический вестник*. Т. 30 (2019). С. 146–163.

³⁹ См., напр.: *Сырку П. А.* Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII века // *Православный Палестинский сборник*. СПб., 1890. Т. 30. С. I–III, 1–54.

⁴⁰ *Липаков Е. В.* Варсонофий // *Православная энциклопедия*. Т. 6. М., 2003. С. 670–672.

⁴¹ *Кошелева О. Е.* Богдан Лыков (кон. XVI в. – 1648 г.) – переводчик Посольского приказа. Реконструкция биографии // *Переводчики и переводы в России*. С. 59–64. Богдан Лыков происходил из дворян Мещовского уезда. В литературе, насколько я знаю, не ставили вопрос, имеют ли мещовские Лыковы отношение к тем боярам Лыковым, о которых писал Андрей Курбский (см. выше). Если такая связь (вполне вероятная) будет доказана, она станет свидетельством «родовой» приверженности к «межкультурным контактам», что потребует специального объяснения.

Замечательное в своем роде свидетельство о такого рода культурных трансферах представляет собой татарско-русский словарь-разговорник, который дошел до нас в сборнике, составленном в 1668 г. книжником и писателем Прохором Коломнятиным. Его анализ показывает, что тот не является, собственно, словарем, а содержит, кроме толкований слов и выражений, еще и «целый ряд этнографических, исторических и топонимических статей, топографическое и географическое описания Крыма, сведения о турецких завоеваниях и территориях, апокрифы»⁴². Устное происхождение и ряд особенностей значительной его части говорит о том, что он был записан русским человеком (вероятно, служилым), захваченным в плен татарами и довольно долго пребывавшим в Крыму в 1640–1650-е гг. (вероятно, в услужении хана или представителя крымской знати). Скорее всего, этим человеком был сам Прохор Коломнятин, известный уже как инок, живший в московских и ростовских монастырях в 1660–1680-е гг. Другие труды П. Коломнятина свидетельствуют о его неординарных филологических способностях и литературно-педагогических интересах.

* * *

Закljučая этот (краткий, беглый и выборочный) обзор «мест встреч» русской культуры с культурами «иноземными», надо добавить в него еще одно поле межкультурной коммуникации – порубежные/периферийные области Московского государства. Хотя оборонительная политика Русского государства XVI–XVII вв., сочетаясь с политикой изоляционизма, приводила к обустройству застав и засечных укреплений, на практике его границы никогда не были непроницаемы – отчасти из-за географических условий (равнинные степи и лесостепи Евразии), отчасти из-за дефицита бюрократического централизованного управления. Можно было более или менее охранять основные пути и форпосты, но невозможен был контроль над всеми «украинными землями», особенно на юг и восток от «ядра» Московского государства (Замосковного края, по тогдашней терминологии). На этих направлениях в XV–XVII вв. образовались и успешно функционировали *контактные зоны* и *фронтальные* сообщества, в которых межкультурная коммуникация была весьма интенсивна (хотя в очень разных видах и формах) и которые в последние десятилетия привлекают особое внимание историков⁴³. В условиях по-

⁴² Савельева Н. В. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Русская литература. 2019. № 3. С. 54–63.

⁴³ См. обсуждение концепта «фронтир» в русском контексте: Каппелер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 47–64; Sen' D. (Сень Д. В.). Frontier research in present-day Russia:

стоянного и «плотного» взаимодействия русских с тюркскими и другими народами выросло казачество – общность, которой отдельные исследователи присваивают даже статус субэтноса⁴⁴.

Важно только оговорить, что такого рода коммуникация не стала конституирующей для русской этнополитической и этнокультурной идентичностей на государственном уровне. Речь шла скорее о формировании локальных и региональных хозяйственно-бытовых укладов и общностей. Для формирования русского (прото)национального сознания в XVII – нач. XVIII в. важнейшим было культурное и идейное влияние из стран христианской Европы. Оттуда шла «высокая» культура, которую воспринимала и адаптировала элита Русского государства. При этом определяющим в этом взаимодействии культур оставался российский политический, религиозный и культурный контекст.

П. С. Стефанович

Тексты

Уже с XVI в. возрожденная Ренессансом античность находит отклик в Великом княжестве Московском в текстах о пророчицах-сивиллах, подборках изречений античных философов (см. *Пророчества еллинских мудрецов*) и др. Соответственно, в иконографии поствизантийского мира появляются изображения сивилл и античных философов (см., например, пространный вариант композиции *Древо Иесеево*, которое получило впоследствии распространение в российских землях⁴⁵). Но в XVI в. античная традиция интересовала книжников Великого княжества Московского лишь в связи с историей христианства.

Опубликованные в XVI в. в Западной и Центральной Европе книги, так или иначе, стали проникать в Россию. Например, к ее интеллектуалам попала получившее признание на Западе *Всемирная хроника* Гартманна Шеделя (1493)⁴⁶. Именно из нее московские миниатюристы срисовали отдельные композиции, архитектурные элементы и изображения в *Учительном Евангелии* (РГБ. Собр. Е. Е. Его-

Shaky boundaries of the academic dialogue // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1(27). С. 66–80; ср. здесь же дискуссию, посвященную статье Д. Сеня: Там же. С. 81–105.

⁴⁴ Ср.: Казачество в тюркском и славянском мирах: Коллективная монография / отв. ред. В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов. Казань, 2018.

⁴⁵ Квливидзе Н. В. «Древо Иесеево» // *Православная энциклопедия*. Т. 16. М., 2007. С. 269–271.

⁴⁶ *Reske Ch.* Die Produktion der Schedelschen Weltchronik in Nürnberg. Wiesbaden, 2000.

ОБ АВТОРАХ

Бовгиря Андрей Маркович, кандидат исторических наук, участник исследовательского проекта Gerda Henkel Stiftung (Bonn Center for Dependency and Slavery Studies, Universität Bonn).

История Украины XVII–XVIII вв.; история исторической мысли; социальная история.

andrzej@ukr.net

Воронин Василий Алексеевич, кандидат исторических наук, Европейский гуманитарный университет, Институт истории Польской Академии наук (Варшава).

История Полоцкой земли в составе Великого княжества Литовского (сер. XIII – XVI в.); интеллектуальная история ВКЛ; издательская археография.

Гудмантас Кястутис, научный сотрудник Института истории литовской литературы и фольклора (Вильнюс).

Историописание Великого княжества Литовского.

k.gudmantas@gmail.com

Дзярнович Олег Иванович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории (Минск) НАН Беларуси.

История Великого княжества Литовского XIII–XVII вв.; история Ливонии; этнокультурная история Восточной Европы IX–XVII вв.; Метрика ВКЛ.

aleh.dziarnovich@gmail.com

Доронин Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Германского исторического института в Москве, в наст. время ассоциированный научный сотрудник Боннского университета.

Заальпийская ренессансная культура; начала европейской историографии; раннемодерный национализм в Европе.

andrej.doronin@dhi-moskau.de

Дубонис Артурас, д-р гуманитарных наук, старший научный сотрудник и зав. отдела археографии Института истории Литвы.

Источниковедение по истории Литвы XIII–XVI вв.; Литовская Метрика; история ВКЛ XIII – начала XVII в.

arturas.dubonis@istorija.lt

Одесский Михаил Павлович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературной критики Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

Культура Древней Руси XV–XVI вв.; театр и культура России второй пол. XVII – первой пол. XVIII в.; литература и правительственная ментальность XX в.; история «славянской идеи» в XVIII–XX вв.

modessky@mail.ru

Саганович Генадь Николаевич, доктор исторических наук, профессор Варшавского университета.

Общественно-политическая жизнь ВКЛ XVI–XVII вв.; историописание Беларуси; историческая политика в Восточной Европе.

sahanovich@gmail.com

Синкевич Наталия Александровна, кандидат исторических наук, PostDoc в Мюнхенском университете.

Межконфессиональные отношения в Восточной Европе раннего Нового времени; интеллектуальные процессы и духовные течения в украинских землях XVI–XVII вв.

nsinkevych7@gmail.com

Сиренов Алексей Владимирович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Санкт-Петербургского института истории РАН.

История России позднего Средневековья и раннего Нового времени; древнерусское летописание; древнерусская агиография; памятники русского изобразительного искусства XV–XVII вв.

sirenov@rambler.ru

Стефанович Петр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (Москва); Институт российской истории (Москва) РАН.

История средневековой Руси; история России XVI–XVII вв.; история Русской православной церкви.

petr_stefanovich@hotmail.com

Ткачук Виталий Анатольевич, кандидат исторических наук, DFG Research Group «Polycentricity and Plurality of Premodern Christianities» (Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте), приглашенный исследователь. История Церкви в Украине XVII–XVIII вв.

История Церкви в Украине XVII–XVIII вв.

vitaliy_tkachuk_@ukr.net

Ульяновский Василий Иринархович, доктор исторических наук, профессор.

История Церкви; история восточноевропейского Средневековья и Нового времени; история исторической мысли.

ulianovsky@gmail.com

ОГЛАВЛЕНИЕ

О нашем проекте. Введение к коллективной монографии	
(А. В. Доронин)	5
Разная русь накануне и в раннее Новое время	7
Постановка исследовательской проблемы	13
Наши источники	15
Степень разработанности темы в национальных историографиях Восточной Европы	17
Что мы успели обсудить и сделать в рамках проекта	25
Европа на пороге Нового времени и раннемодерный нациогенез	
(А. В. Доронин)	52
Падение Константинополя (1453) и единение Европы.	52
Новое время – новая история.	55
Зарождение новых надрегиональных этнокультурных общностей в Европе в раннее Новое время	65
Реформация и раннемодерный нациогенез	85
(Ранне)модерный нациогенез. Теория	94

РУСЬ-УКРАИНА

Глава 1. Русь-украина и западная культура, XV–XVIII вв.	
(В. И. Ульяновский, А. М. Бовгиря, Н. А. Синкевич, В. А. Ткачук)	110
Люди	111
Тексты, книги.	124
Образы	141
Глава 2. Концепты, идеи и мифы раннемодерной русь-украинской нации в темпоральном и региональном/надрегиональном измерениях	
(В. И. Ульяновский, А. М. Бовгиря, Н. А. Синкевич, В. А. Ткачук)	162
Русь-украина в трудах шляхетских (светских) интеллектуалов XVI–XVII вв.	162
Сарматия и Роксолания	168
Русские князья – хранители Руси. Миф о Русе	178
Русь-украина в поисках ветхозаветных корней русского народа	183

«Русь спорит с русью» о (не)единстве крови	187
На пути к «казацкой нации»: «малороссийский казацкий народ» и «хазарский миф»	208
Русь-украина в Синописе (1674) и Кройнике Феодосия Софоновича	219
Подведем итоги	225
Глава 3. <i>Своя земля в репрезентации руси-украины в раннее Новое время</i> (В. И. Ульяновский, А. М. Бовгиря, Н. А. Синкевич, В. А. Ткачук)	228
Региональное и надрегиональное в летописании руси-украины XVI – сер. XVII в.	228
Своя земля в текстах Гетманщины второй пол. XVII – сер. XVIII в.	238
Украина, Малая Росия, народ русский/украинский/малороссийский: номенклатура «своего» в Руси-Украине раннего Нового времени	256
Домонгольская Русь на исторической и ментальной карте руси-украины XVI – сер. XVIII в.	268
Руська мова или «наречие козацкое»: язык как средство самоидентификации руси-украины в раннее Новое время	276

РУСЬ ВКЛ

Глава 1. <i>Русь ВКЛ в западной системе культурных координат раннего Нового времени</i>	296
«Места встречи» западно- и восточноевропейской культур (<i>О. И. Дзярнович</i>)	296
Образы (<i>О. И. Дзярнович</i>)	305
Тексты (<i>Г. Н. Саганович</i>)	316
Глава 2. <i>Русь ВКЛ в раннее Новое время: своё</i>	323
Литва и русь на карте ВКЛ в раннее Новое время: динамика этнокультурного взаимодействия (<i>О. И. Дзярнович</i>)	323
Социальные и региональные локусы памяти руси ВКЛ (<i>Г. Н. Саганович</i>)	332
«Места памяти» руси ВКЛ (<i>Г. Н. Саганович</i>)	341
Глава 3. <i>Литвины – несостоявшаяся нация?</i>	365
Этнокультурная карта ВКЛ в преддверии и на пороге Нового времени (<i>А. Дубонис</i>)	365
Языки ВКЛ и становление литовской раннемодерной нации (<i>А. Дубонис</i>)	375
Русь в шляхте ВКЛ (<i>А. Дубонис, К. Гудмантас</i>)	390
Русь в генеалогиях правящей элиты ВКЛ (<i>К. Гудмантас</i>)	404
Русь ВКЛ и «сарматизм» (<i>К. Гудмантас</i>)	410

Географическое и политическое пространство Руси ВКЛ (<i>В. А. Воронин</i>)	417
Русь в письменных памятниках ВКЛ (<i>В. А. Воронин</i>)	433
МОСКОВСКАЯ РУСЬ	
Глава 1. Московская русь vs Старый Свет	446
«Места встречи» западно- и восточноевропейских культур (<i>П. С. Стефанович</i>)	446
Тексты (<i>А. В. Сиренов</i>)	457
Глава 2. В поисках нового начала: московская русь в XVII – сер. XVIII в.	467
Сказание о Словене и Русе (<i>А. В. Доронин</i>)	467
Серух (<i>А. В. Доронин, А. В. Сиренов</i>)	485
Русь и славяне в этногенетических конструкциях Юрия Крижанича (<i>М. П. Одесский</i>)	487
Киевский Синописис (<i>А. В. Сиренов</i>)	501
Мосох (<i>А. В. Доронин</i>)	508
Древняя Российская история М. В. Ломоносова (<i>А. В. Доронин</i>)	527
Дорюрикова русь/Русь и истоки славянофильства в российской литературе сер. – второй пол. XVIII в. (<i>М. П. Одесский</i>)	547
Глава 3. Русь Московская: державная и православная	556
Августинская легенда (<i>А. В. Сиренов</i>)	556
«Святая Русь» (<i>А. В. Сиренов</i>)	565
«Светлая Россия» старообрядцев (сер. XVII – первая треть XVIII в.) (<i>П. С. Стефанович</i>)	581
«Российский народ» – «проект идентичности» из XVII в. (<i>П. С. Стефанович</i>)	593
Орел Российский (имперские аллегории XVII–XVIII вв. на материале школьных пьес) (<i>М. П. Одесский</i>)	610
Заключение (<i>А. В. Доронин</i>)	623
Об авторах	635

Когда зарождаются нации на востоке Европы?

Ответственный составитель,
ответственный редактор
А. В. Доронин

09 12 2022. 39,85 авторских листа. Тираж 700 экз.
Отпечатано в издательстве Petro ofsetas
Naujoji Riononių g. 25 C, LT-03153 Vilnius